

Л.В. Хохлова

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ СОКРАЩЕНИЯ РОЛИ РОДНОГО ЯЗЫКА В ИНДИИ

В течение последних десятилетий проблемы языковой ситуации на южноазиатском субконтиненте, и особенно в Индии оставались предметом пристального внимания индийских, американских и отечественных лингвистов. Однако до сих пор специально не исследовались причины, по которым родной язык, оставаясь важным фактором самоидентификации и социальной мобилизации, все меньше служит для удовлетворения интеллектуальных потребностей наиболее образованной, влиятельной и престижной группы общества. В статье анализируются исторические, социальные и политические причины формирования языковой ситуации, в которой родной язык может играть весьма скромную роль в речевом репертуаре¹ образованных носителей языка.

Ключевые слова: родной язык, речевой репертуар, Индия, социальная стратификация, языковая политика, этническая самоидентификация, конфессиональная самоидентификация, этническая элита.

The linguistic situation in South Asia, particularly in India, and the status of the mother tongue as an identity marker has been the focal points of sociolinguistic research during the last decades. However, little attention has been paid to the diminishment of the role of mother tongue for native speakers, especially those from educated and influential social groups. The paper shows historical, political and social background of the linguistic situation in India where ethnic elites are not interested in using their mother tongues in education, professional and social life.

Key words: mother tongue, speech repertoire, India, social stratification, language policy, ethnic self-identification, religious self-identification, ethnic elite.

Определение роли родного языка в языковом поведении как индивидов, так и различных социальных групп, — чрезвычайно

Хохлова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: khokhl@iaas.msu.ru

¹ Под речевым репертуаром понимается вся совокупность речевых форм, регулярно используемых внутри социальной группы в процессе социально значимого языкового взаимодействия (см. Gumperz J. Language in Social Groups. Stanford, 1971. P. 182).

актуальная проблема, представляющая интерес не только с точки зрения социалингвистической теории, изучающей типы языковых ситуаций, стратификационное и ситуативное варьирование языков, проблемы билингвизма и языковых контактов, но и с точки зрения практической языковой политики. Множество исследований отечественных и зарубежных социалингвистов посвящено проблемам билингвизма и языковой политики в Южной Азии². Однако в этих работах, как правило, отсутствует подробный анализ причин сокращения роли родного языка в речевом репертуаре образованной части индийского общества. Настоящая статья посвящена анализу этих причин.

Далее рассматриваются, во-первых, исторические корни индийского билингвизма и полилингвизма. На материале развития языковой ситуации в Раджастане XVI—XX вв. (доколониальный, колониальный и послеколониальный этапы социально-политического развития Индии) демонстрируется зависимость функциональной стратификации языков от социальной, прежде всего кастовой, а также от конфессиональной дифференциации населения.

Во-вторых, в статье подробно анализируются проблемы этнического и языкового самосознания и связанные с ними проблемы отношения к родному языку, который для представителей подавляющего большинства индийских этносов является мощным средством самоидентификации и социальной мобилизации, существенным фактором при установлении не только семейных и дружеских, но и профессиональных связей. Тот факт, что отмеченное многими исследователями позитивное отношение большей части населения к родному языку³ парадоксальным образом сочетается с равнодушием современного индийского общества

---

² Полный список социалингвистической литературы, посвященной проблемам Южной Азии, занял бы много страниц. Проблемы «родной язык и билингвизм» исследуются в работах: *Баранников П.А.* Языковая ситуация в ареале языка хинди. Л., 1984; *Ганди К.Л.* Языковая политика в современной Индии. М., 1982; *Халмурзаев Т.Х.* Статус урду в современной Индии и тенденции его развития. Ташкент, 1979; *Чернышёв В.А.* Диалекты и литературный хинди. М., 1969; *Клюев Б.И.* Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978; *Simpson A.* Language and National Identity in Asia. Oxford, 2007; *Language, Policy, Culture and Identity in Asian Contexts* / Ed. by A. Tsui, W. Tollefson. Mahwah (NJ), 2007; *Bhatia T.K., Ritchie W.C.* Bilingualism in South Asia // *Handbook of Bilingualism*. Oxford, 2004. P. 780—807; *Shapiro M.C., Schiffman H.F.* Language and Society in South Asia. Delhi, 1981.

³ *Hohenthal A.* English in India. Loyalty and Attitudes // *Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow*. 2003. Vol. 3:5. URL: <http://www.languageinindia.com/may2003/annika.html> (дата обращения: 20.04.2014).

к сокращению социальных функций родных языков, объясняется историческими причинами: на протяжении веков высокий социальный статус имплицировал использование неродных языков в официальной и профессиональной деятельности индивида.

В-третьих, в статье описываются побудительные мотивы и результаты национальных движений, целью которых было расширение социальных функций родного языка и, наконец, говорится о причинах неэффективности государственной языковой политики, направленной на поддержку индийских языков.

Рамки настоящей работы не позволяют подробно остановиться на истории двуязычия и многоязычия в разных районах Индии, поэтому ниже приводится только один пример: развитие языковой ситуации в одном из регионов Западной Индии — на территории современного штата Раджастан. Официальным языком этого штата является хинди, хотя большинство населения говорит на диалектах раджастанской группы (марвари, мевари, хараути, мальви и др.), которые лингвистически ближе не к диалектам хинди, а к соседнему гуджарати. Эволюция языковой ситуации в этом штате на протяжении пяти веков содержит много типологических черт и таким образом позволяет понять, как формировались языковые представления носителей современных индийских языков.

На основе сохранившихся документальных свидетельств — административных актов, переписки раджей, памятников художественной литературы, сочинений мусульманских философов, историков, политиков и т.п. — можно приблизительно восстановить социолингвистическую ситуацию в Раджастане XVI—XVIII вв.

Функциональная стратификация языков в позднефеодальном обществе целиком определялась социальной, прежде всего кастовой дифференциацией населения.

Местные диалекты раджастанхи были, во-первых, языками домашнего обихода для представителей различных социальных групп коренного населения. На них говорили при раджпутских дворах, на них же велась переписка между князьями, при этом диалектные различия не препятствовали контактам между княжествами, располагавшимися в географически противоположных районах Раджастана⁴. Во-вторых, на местных диалектах велось обучение в начальных школах, которые посещали дети из различных, но преимущественно богатых, семей высших каст.

---

⁴ *Sharma G.N. Social Life in Medieval Rajasthan, 1500—1800 A.D., with Special Reference to the Impact of Mughal Influence. Agra, 1968. P. 243—248.*

В-третьих, местные диалекты служили языками администрации: от сельских органов власти — внутрикастовых панчаятов и межкастовых панчакулей — до раджпутских чиновников и управляющих. В-четвертых, на местных диалектах существовала богатая литературная традиция.

К XVI в. оформились два литературных стиля: дингаль как стиль героико-эпических сказаний и пингаль как стиль бхактистской (преимущественно кришнаитской) лирики. Дингалем владели касты чаранов, равов, бхатов и мотисаров. Поэты из каст чаранов и равов жили при раджпутских дворах, следуя в социально-кастовой пирамиде непосредственно за раджпутами, от которых они всецело зависели. Бхаты были составителями и хранителями династийных списков раджпутов и генеалогий брахманов и чаранов и также занимали одну из верхних ступеней в иерархии. Более низкий статус имели мотисары — бродячие певцы и поэты, зависевшие от чаранов. Некоторые предприимчивые чараны даже брали на службу мотисаров в качестве «теневых» авторов и выдавали сочиненные ими стихи за свои⁵.

Санскрит был привилегией высших каст — брахманов и раджпутов, а также членов религиозной общины джайнов. Он занимал второе после диалектов раджастхани место по количеству выполняемых общественных функций: был языком индуистского культа, литературы (философско-экзегетической и художественной), классического образования и учености. Образование выше начального можно было получить на санскрите у частного учителя-брахмана или в школе при джайнском монастыре. Изучались логика, риторика, астрология, философия, грамматика, математика, литература, лингвистика, медицина и т.д., при этом пособиями служили тексты на классическом санскрите. Книги были редки и дороги и хранились лишь в монастырях и частных библиотеках крупных феодалов и жрецов. Примечательно, что раджпуты — не только мужчины, но и женщины из княжеских семей получали классическое образование и владели санскритом активно⁶.

Персидским языком владели в основном находившиеся на дипломатической и чиновничьей службе представители касты каястха. Персидский был официальным языком могольского двора, и по мере усиления контактов с моголами его значение в Раджастхане росло. Он использовался прежде всего как язык

---

⁵ *Menaria M. Rajasthani Bhasha aur Sahitya*. Allahabad: Hindi Sahitya Sammelan, 1960. P. 34—37.

⁶ *Sharma G.N.* Op. cit. P. 278.

внешних сношений и дипломатии: раджпутские посольства были при императорском дворе в Дели и в принадлежавшем моголам Аджмере. Позже персидский стал применяться в некоторых раджпутских княжествах и как язык внутренней администрации: так, в 1532 г. джодхпурский правитель Малдев создал при своем дворе персоязычный секретариат⁷.

Из перечисленных каст, таким образом, наивысшее место в иерархии занимали те, для которых вторым языком был санскрит; остальные располагались посередине социальной пирамиды. Наиболее многочисленные группы населения занимали «нижние ступени» социальной лестницы и обычно владели только родным языком — одним из диалектов раджастхани. Таким образом, структура речевого репертуара индивида определялась его местом в социально-кастовой иерархии общества.

Кастовая принадлежность влияла и на межконфессиональные отношения: например, члены определенных брахманских подкаст, прежде всего подкасты паливаль в Меваре, выполнявшие функции домашних жрецов раджей, подкасты санахья в Биканере и некоторых других были наиболее ортодоксальными приверженцами индуизма и наиболее рьяными противниками растущего мусульманского влияния и индуско-исламских контактов⁸.

В отличие от ситуации в XIX—XX вв., когда конфессиональная принадлежность начала имплицитно определять определенную языковую самоидентификацию (независимо от лингвистической реальности мусульмане считали родным языком урду, индусы — хинди, сикхи — панджаби), в XVII—XVIII вв. переход из индуизма в ислам, как правило, не изменял существенно ни социального, ни культурно-языкового положения новообращенцев. Поскольку сам ислам на индийской почве трансформировался, усваивая многое из местных культов, полного разрыва с предыдущей традицией, в частности обрядовой, не наступало, а различия в образе жизни сельских жителей — индусов и новообращенных мусульман — были и вовсе незначительными⁹.

К подобным обращенцам принадлежали, например, племена мео, жившие на северо-востоке Раджастхана (современные округа Альвар и Бхаратпур). Перейдя в ислам, мео продолжали чтить индуских богов и святых, носить индуские имена, праздновать индуские праздники. Даже свадебные обряды у них совершали

---

⁷ *Sharma R.* *Studies in Medieval Indian History.* Solapur, 1956. P. 204.

⁸ *Sharma G.N.* *Op. cit.* P. 79—80.

⁹ *Kabir H.* *The Indian Heritage.* Bombay, 1970. P. 79.

и мусульманские кази, и индусы-брахманы¹⁰. Кастовые различия, как известно, тоже были перенесены из индуизма в ислам, поэтому и после принятия ислама мео занимали одно из самых низких мест в раджастханском обществе. Не изменился, разумеется, и язык мео: подавляющее большинство их и после обращения в мусульманство владело лишь родным языком — мевати.

В начале XIX в. княжества Раджастхана стали вассалами Ост-Индской компании, позже — английской короны¹¹, а Аджмер подвергся аннексии. Серьезные изменения в языковой ситуации произошли только в 20—40-е гг. XX в., когда под влиянием соответствующих процессов в Британской Индии была частично перестроена система управления, делопроизводства, суда, полиции, армии. Основными языками нового административно-бюрократического аппарата стали английский и урду, признанные к тому времени официальными в Британской Индии. Ввиду отсутствия в Раджастхане достаточного количества подготовленных чиновников указанный аппарат комплектовался, в значительной мере за счет выходцев из хиндиязычных районов Британской Индии. Иммигранты из тех же регионов пополняли и преподавательский состав в средних и высших учебных заведениях. В государственных начальных школах языком обучения стал хиндустани — в варианте хинди для индусов и урду для мусульман. Высшее образование можно было получить только на английском языке.

Таким образом была создана хиндиязычная культурная элита. Для значительной ее части — выходцев из хиндиязычных штатов — хинди являлся родным языком, для другой, новой раджастханской интеллигенции и бюрократии, — языком культуры, функционально первым или вторым (после английского языка). Хинди стал в Раджастхане языком зарождавшейся периодической печати, новой художественной литературы и средств массовой информации.

После обретения Индией независимости Раджастхан вместе с районами Центральной Индии был отнесен к «хиндиязычным» областям, официальным языком штата был признан хинди. В настоящее время хинди наряду с английским является основным языком политической, общественной и культурной жизни штата.

Местные диалекты Раджастхана используются в основном в сфере неофициального общения, однако продолжают оставаться важным фактором этнической и языковой самоидентификации. Переписи отражают любопытный пример эволюции

---

¹⁰ Ram M. Rajasthan District Gazetteer. Alwar-Jaipur, 1968. P. 129—130.

¹¹ Lee-Warner W. The Protected Princes of India. L.; N.Y., 1894. P. 117—119.

языкового самосознания носителей различных раджастханских диалектов — изменение числа говорящих на языке «раджастхани». Сам термин «раджастхани» был введен в научный обиход английским лингвистом Джоном Грирсоном на основе учета ряда общих фонетических, морфологических и синтаксических черт, присущих таким диалектам, как марвари, мевари, хараути, мальви и некоторым другим. Перепись 1911 г. отметила всего 163 «носителя раджастхани», в 1921 г. их было лишь 32, но в 1951 г. уже 367 726 человек! С 1951 по 1961 г. число «носителей раджастхани» удвоилось и достигло в 1961 г. 713 357, а в переписи 2001 г. раджастхани назвали «родным языком» уже 18 355 613 человек! Подобная динамика количества говорящих на раджастхани не детерминируется никакими факторами «естественного роста»: единственным объяснением феномена может быть только изменение самосознания населения Раджастхана под влиянием пропаганды тех общественных лидеров, которые ставили целью расширение общественных функций раджастхани за счет хинди, официального языка штата.

Интерес к раджастхани как к единому языку раджастханцев перерос в политическое движение в 60-е гг. XX в. Побудительным мотивом движения стало недовольство «сынов земли» (sons of the soil) засильем выходцев из других хиндиязычных штатов. Однако лингвистическое движение в Раджастхане, инициированное местной бюрократией, интеллигенцией и феодальной аристократией, не было достаточно активно поддержано другими слоями населения и поэтому не смогло добиться успеха.

Причины, объясняющие неуспех движения, изложены в книге американского социолога П.Р. Браса «Язык, политика и религия в Северной Индии»¹². По мнению автора, для прибрежных регионов Северной Индии (Бенгалия и Гуджарат), где раньше других развились капиталистические отношения, а вместе с ними началось развитие наций, характерен приоритет этнического самосознания над религиозным, в то время как в таких центральных районах Индии, как Раджастхан и Бихар, религиозное самосознание всегда довлело над этническим.

Теория Браса объясняет отделение Бангладеш от Пакистана, так как для бенгальцев этническое самосознание оказалось важнее религиозного¹³. Та же теория помогает понять, с одной стороны, успех движения за создание штата Панджаб, опиравшегося

---

¹² Brass P.R. Language, Religion and Politics in North India. L.; N.Y., 1974.

¹³ Badruddin U. The Emergence of Bangladesh: Class Struggles in East Pakistan, 1947—1958. Karachi, 2004.

ся на религиозное самосознание сикхской общины, и с другой стороны — поражение движения за официальное признание раджастхани и майтхили в штатах Раджастхан и Бихар, так как последние не опирались на религиозную основу (носители раджастхани и майтхили в основном принадлежат к общине хинду). Очевидно, этими же причинами можно объяснить неуспех движения за признание языка сирайки в Пакистане¹⁴.

Представляется, однако, что внутри ситуаций, описываемых бинарной оппозицией Браса: преобладание этнического либо конфессионального самосознания, существует множество вариантов, например, приоритет конфессионального самосознания может сочетаться с присутствием или отсутствием ясного этнического самосознания: пример первого — панджабцы, второго — население хиндиязычного ареала (Бихар, Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш). Так, например, если в хиндиязычном ареале опрашиваемые вообще затрудняются с определением своей этнической принадлежности или отождествляют себя по географическому признаку (название деревни, дистрикта и т.д.), то панджабцы, как правило, не затрудняются при ответе на вопрос о своей этнической и языковой принадлежности. Ясность этнического и языкового самосознания зависит также от уровня образования индивида.

Вообще понятие «родной язык» (*mother tongue*) чрезвычайно сложно применить в индийской действительности. Он определяется в переписи как язык, на котором мать говорила с опрашиваемым в детстве или — в случае смерти или отсутствия матери — как язык, на котором говорят в семье¹⁵. Однако это определение часто трудно применить на практике.

Во-первых, малограмотные люди вместо названия языка могут употреблять название деревни, района или штата, касты, религиозной секты и т.д.; во-вторых, опрашиваемые часто испытывают трудности при ответе на вопрос о родном языке, если он не играет существенной роли в их речевом репертуаре. Вот пример: родной язык матери телугу¹⁶, отца — каннада¹⁷, семья живет в Дели, родители стараются говорить с детьми на хинди или по-английски, чтобы избежать проблем в школе, где язы-

---

¹⁴ *Rahman T.* The Siraiki Language Movement in Pakistan // *Language Planning and Language Problems*. 1995. N 19 (1); *Shackle C.* Pakistan // *Language of National Identity in Asia* / Ed. by A. Simpson. Oxford, 2007. P. 100—115.

¹⁵ *Mallikarjun B.* Bilingualism and Census of India 2001 // *Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow*. 2001. Vol. 1:3. URL: <http://www.languageinindia.com/may2001/bilingual.html> (дата обращения: 20.04.2014).

¹⁶ Дравидийский язык, официальный язык штата Андхра-Прадеш.

¹⁷ Дравидийский язык, официальный язык штата Карнатак.

ком преподавания является английский, а при неофициальном общении вне дома используется хинди. В подобной ситуации опрашиваемый знает на языке матери в лучшем случае несколько десятков слов и столько же, вероятно, на языке отца; его речевой репертуар представлен преимущественно хинди и английским, распределенными дополнительно относительно участников коммуникации, тем и ситуаций. В подобном контексте выбор «родного» языка имплицитно подразумевает значительные трудности, и в тех случаях, когда опрашиваемый затрудняется с ответом, переписчик дает советы, хотя по правилам и не должен этого делать¹⁸.

Во-вторых, даже если опрашиваемый не затрудняется с ответом на вопрос о родном языке, за названием последнего могут скрываться совершенно разные реалии. Например, в соответствии с переписью 2001 г.¹⁹, кхари боли называли «родным языком» 47 730 человек. Опросы, проведенные автором настоящей статьи в среде гуманитариев из четырех университетов — двух в Дели (Университет им. Дж. Неру и Делийский университет) и двух в Раджастхане (университеты Джайпура и Удайпура), показали, что этот термин даже в среде гуманитарной интеллигенции понимается, по крайней мере, трояко: 1) как «неправильный» или «смешанный» язык малограмотных людей в противовес стандартному хинди интеллигенции, при этом этот «смешанный» язык может иметь любую диалектную основу: принадлежать к диалектам группы «хинди» или относиться к каким-то раджастханским диалектам; 2) как разговорная форма литературного хинди (в этих случаях разница между «кхари боли» и «хинди» при ответах на вопрос о родном языке понимается как противопоставленность устной и письменной форм одного языка); 3) как опорный диалект литературного хинди. При расширении социальной базы опрашиваемых количество значений термина «кхари боли», вероятно, расширится²⁰.

Большое разнообразие толкований можно отметить и в отношении термина «хинди». Его при опросах могут посчитать

---

¹⁸ Mallikarjun B. Bilingualism...

¹⁹ Результаты переписи, проходившей в 2001 г., пока опубликованы только частично, в опубликованном материале не содержится сведений о языках, поэтому приводятся данные переписи 2001 г., см.: Mallikarjun B. Language According to Census of India 2001 // Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. 2001. Vol. 1:2. URL: <http://www.languageinindia.com/april2001/indiancensus.html> (дата обращения: 20.04.2014).

²⁰ Как показал П.Л. Менария, в западнораджастханской деревне под «кхари боли» понимается чужой и непонятный язык пришельцев, презрительно называемый «сколок с персидского» (*Menaria P.L. Rajasthani bhasha ki ruprekha aur manyata ke prashn. Varanasi, 1953*).

«родным языком» и говорящие на нормированном литературном хинди, и те, для кого «родными» являются языки брадж, авадхи, бундели, чхатисгархи и другие, причисляемые к «диалектной общности хинди», и даже носители раджастханских или бихарских диалектов, т.е. регионов, в которых хинди объявлен официальным языком штата.

В случае организованных религиозных, политических или общественных движений, когда язык становится важным аргументом в дискуссиях, ответы опрашиваемых на вопрос о «родном языке» зачастую не предполагают никакой лингвистической реальности. Примером может служить перепись 1961 г., когда сикхская партия вела активную пропаганду за создание отдельного штата «Панджаби суба». Руководством партии сикхов термин «Панджаби суба» понимался как равнозначный понятию «сикхский штат» — например, лидер партии Тара Сингх требовал, чтобы сикхи в будущем штате составляли не менее 56% населения и откровенно заявлял, что проблема языка панджаби является для движения второстепенной²¹. Деятельность партии сикхов (Акали Дал) вызвала ответную активность индусских коммуналистских организаций, что привело к противостоянию обеих религиозных общин. В результате при переписи населения 1961 г. сикхи — как носители панджаби, так и носители хинди, — называли своим родным языком панджаби, в то время как хинду — вне зависимости от лингвистических реалий — утверждали, что их родной язык хинди.

После вопроса о родном языке переписчики просят перечислить еще один или два языка, которыми владеет опрашиваемый. Ответы на вопросы о вторых и третьих языках также фиксируют отнюдь не лингвистическую реальность, но самоидентификацию и самооценку опрашиваемого. Если в ответ на вопрос о втором языке называется английский, это может означать и то, что опрашиваемый владеет им в совершенстве, и то, что его знания ограничиваются лишь профессиональными нуждами (например, официант в ресторане, шофер такси и т.п.). Иногда под владением вторым языком понимается просто знание латинского шрифта и умение произнести по-английски несколько заученных предложений.

Итак, в переписях отражается прежде всего языковое самосознание опрашиваемых, и требуются различные косвенные данные для установления объективной лингвистической ситуации, которая очень сильно отличается от языковой ситуации

---

²¹ См.: *Клюев Б.И.* Указ. соч. С. 119.

в Европе. Наибольшие различия наблюдаются в структуре речевого репертуара европейца и носителя одного из языков Индии. П.Б. Пандит приводит часто цитируемый пример торговца специями из Бомбея, который дома говорит на родном языке — одном из диалектов гуджарати, на базаре использует маратхи, официальный язык штата Махараштра, покупая билеты на вокзале пользуется хиндустани — лингва франка всей Индии, торговлю пряностями ведет на качхи, вечером смотрит по телевизору новости по-английски или на хинди, сериалы на хинди или трансляцию крикетного матча по-английски²². Можно добавить, что дети этого торговца скорее всего учатся в школе, где языком обучения является английский, и ни его самого, ни его окружение не беспокоит, что родной язык занимает очень скромное место в их речевом репертуаре, причем чем выше место индивида в социальной иерархии, тем меньшую роль играет в его профессиональном и официальном общении родной язык.

Неверно было бы утверждать, что сокращение социальных функций родных языков является результатом целенаправленной языковой политики индийского правительства. Напротив, правительство выделяет значительные средства и силы на развитие местных языков, в особенности на развитие хинди²³, который наряду с английским является официальным языком Индии. На первый взгляд языковая ситуация в Индии выглядит благополучно: все официальные языки штатов используются в начальном, среднем и высшем образовании, средствах массовой информации, местной администрации, судопроизводстве и т.д.

Среднее и высшее гуманитарное образование в Индии можно получить на любом из официальных языков штатов, однако престижным и дающим больше шансов благополучного трудоустройства считается образование на английском языке. Образование в области естественных и технических наук можно получить исключительно на английском языке. В Индии свободно владеет английским примерно 5% мужчин и 3% женщин²⁴. Эта

---

²² Pandit P.B. Perspectives on Sociolinguistics in India // Language in Society / Ed. by W.C. McCormac, S.A. Wurm. The Hague, 1979. P. 172—173.

²³ По данным Census of India, на хинди и его диалектах говорит 41% населения Индии, более 422 млн человек (см.: Data Highlights — 2001 Census / Census of India. 2011). URL http://www.censusindia.gov.in/Ad_Campaign/press/DataHighlights.pdf (дата обращения: 11.12.2014).

²⁴ По данным India Human Development Survey (2005), 72% мужчин и 83% женщин вообще не владеют английским языком, 28% мужчин и 17% женщин могут с трудом объясниться по-английски и 5% мужчин и 3% женщин владеют английским свободно (http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_English-speaking_population (дата обращения: 20.04.2014)).

небольшая в процентном отношении ко всему населению, однако значительная в абсолютном исчислении группа людей фактически составляет экономическую, политическую, военную, научную и культурную элиту и в основном определяет будущее страны.

Переключение кодов в речевом репертуаре этой группы населения много раз описывались в лингвистической литературе²⁵. Родители, свободно говорящие по-английски, с раннего детства общаются с детьми на двух языках — родном и английском, предполагая, что растят билингвов, затем дети поступают в школу, где все предметы преподаются по-английски. Родной язык изучается мало как один из предметов и большей частью не вызывает интереса у учащихся. Дети не читают книг на родном языке не только из-за отсутствия интереса, но и из-за недостатка времени, так как существует жесткая конкуренция при поступлении в престижные вузы, и побеждает тот, кто лучше знает предметы, преподающиеся на английском языке. В результате складывается речевой репертуар билингва, в котором родной и английский находятся в дополнительной дистрибуции: неофициальное общение на темы, связанные с семьей, браком, религиозным ритуалом и т.д. — на родном языке, интеллектуальная, в том числе профессиональная деятельность, — на английском. Если родной язык используется при общении на экономические или политические темы, значительная часть терминологии заимствуется из английского языка. Даже если говорящий знаком с соответствующей терминологией на родном языке, речевой этикет блокирует ее употребление в разговоре.

---

²⁵ *Gupta R.* English and Indian languages: Code Mixing // *English in India: Issues and Problems* / Ed. by R. Gupta, K. Kapoor. Delhi, 1961. P. 207—215; *Baldrige J.* Linguistic and Social Characteristics of Indian English // *Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow*. 2002. Vol. 2:4. URL: <http://www.languageinindia.com/junjul2002/baldrigeindianenglish.html> (дата обращения: 20.04.2014); *Dua H.* The National Language and the Ex-colonial Language as Rivals: The Case of India // *Intern. Political Science Review*. 1993. N 14. P. 293—308; *Kachru B.* Code-mixing as a Communicative Strategy in India // *International Dimensions of Bilingual Education* / Ed. by J. Alatis. Washington (DC), 1978. P. 107—124; *Idem.* The Indianization of English. Oxford, 1983; *Idem.* The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes. N.Y., 1986; *Kumar A.* Certain Aspects of the Form and Functions of Hindi-English Code-switching // *Anthropological Linguistics*. 1986. N 28. P. 195—205; *Malhotra S.* Hindi-English, Code-switching and Language Choice in Urban, Upper-middle-class Indian Families // *Kansas Working Papers in Linguistics*. 1980. N 5. P. 39—46 (reprinted 1992); *Sahgal A.* Patterns of language use in a bilingual setting in India // *Second Language Acquisition: Socio-cultural and Linguistic Aspects of English in India* / Ed. by R. Agnihotri, A. Khanna. New Delhi, 1994. P. 299—306.

Таким образом, в Индии формируются национальные элиты, социально и эмоционально тесно связанные со своим этносом, однако интеллектуально принадлежащие эпохе глобализации, где английский, по мнению многих, становится универсальным языком не только науки, но и любых сфер интеллектуальной деятельности.

Сходные процессы происходят в Европе и вызывают во многих странах отрицательную реакцию. Об отрицательных сторонах введения единого языка научного знания пишет Т. Скутнав-Кангас²⁶, ратующая за сохранение лингвистического разнообразия. По мнению автора, полилингвистические сообщества всегда обладают большей креативностью. Унификация знания, представленного единым «универсальным» языком, приводит к снижению творческого потенциала наций. Успех ее книги стал доказательством того, что ее точка зрения разделяется значительной частью европейского общества. Интересно, что «наступлением» английского языка обеспокоены именно в Европе, где в речевом репертуаре населения преобладает родной язык, а английский используется в основном в профессиональной сфере или при межнациональных контактах, в то время как происходящее с развитием образования «отодвигание» родного языка на периферийное положение мало беспокоит общественность Индии.

Исторические причины формирования описанного языкового сознания были изложены выше. Каждый индийский регион характеризуется своими особенностями исторического изменения языковой ситуации, однако есть общие закономерности развития всех регионов, продемонстрированные на истории Раджастанхана: большинство населения привыкло жить в ситуации многоязычия, считает вполне естественным то, что родной язык может отличаться от языка образования или средств массовой информации, от языка выбранной профессии и от языка любимого досуга (например, язык, используемый при трансляции крикетного матча, язык телевизионного сериала или гламурных журналов); при этом для разных функций могут использоваться разные языки. Высокий и даже средний социальный статус подразумевает владение многими языками, которые находятся в дополнительной дистрибуции относительно участников акта коммуникации, темы и ситуации, при этом родной язык может играть весьма скромную роль в речевом репертуаре.

---

²⁶ *Skutnabb-Kangas T. Linguistic Genocide in Education — or Worldwide Diversity and Human Rights? L., 2000.*

Политические движения за расширение общественных функций родного языка возникают преимущественно в тех регионах, где «сыны земли» чувствуют себя обделенными и пытаются вытеснить «чужаков» для расширения возможностей собственного трудоустройства. Примерами таких движений являются, например, борьба за официальный статус догри в штате Джамму и Кашмир²⁷ или движение за вытеснение бенгальцев из штата Ассам. Примечательно, что бенгальцы-мусульмане из Бангладеш свободно владеют ассамским, получают на нем образование и указывают его в переписях в качестве родного, однако различные ассамские организации периодически требуют, чтобы они покинули Ассам²⁸.

В тех случаях, когда этнические элиты занимают командные высоты в экономической, политической и культурной жизни своих регионов, они считают вполне благополучной языковую ситуацию, в которой родной язык не служит для удовлетворения интеллектуальных потребностей наиболее образованной, влиятельной и престижной группы общества. Приведет ли это к снижению творческого потенциала национальных элит, покажет будущее.

Список литературы

Баранников П.А. Языковая ситуация в ареале языка хинди. Л., 1984.

Баранов С. «Сыновья земли» идут в бой: язык как знамя мятежа на северо-востоке Индии // Язык до Индии доведет. М., 2008.

Ганди К.Л. Языковая политика в современной Индии. М., 1982.

Клюев Б.И. Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978.

Халмурзаев Т.Х. Статус урду в современной Индии и тенденции его развития. Ташкент, 1979.

Чернышёв В.А. Диалекты и литературный хинди. М., 1969.

Badrudin U. The Emergence of Bangladesh: Class Struggles in East Pakistan, 1947—1958. Karachi, 2004.

Baldrige J. Linguistic and Social Characteristics of Indian English // Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. 2002. Vol. 2:4. URL: <http://www.languageinindia.com/junjul2002/baldrigeindianenglish.html>

---

²⁷ Догри был включен в 2003 г. в 8-е приложение конституции Индии, что практически мало изменило его статус.

²⁸ См.: *Баранов С.* «Сыновья земли» идут в бой: язык как знамя мятежа на северо-востоке Индии // Язык до Индии доведет. М., 2008. С. 471—488.

Bhatia T.K., Ritchie W.C. Bilingualism in South Asia // Handbook of Bilingualism. Oxford, 2004.

Brass P.R. Language, Religion and Politics in North India. L.; N.Y., 1974.

Dua H. The National Language and the Ex-colonial Language as Rivals: The Case of India // Intern. Political Science Review. 1993. N 14.

Gumperz J. Language in Social Groups. Stanford, 1971.

Gupta R. English and Indian languages: Code Mixing // English in India: Issues and Problems / Ed. by R. Gupta, K. Kapoor. Delhi, 1961.

Hohenthal A. English in India. Loyalty and Attitudes // Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. 2003. Vol. 3:5. URL: <http://www.languageinindia.com/may2003/annika.html>

Kabir H. The Indian Heritage. Bombay, 1970.

Kachru B. Code-mixing as a Communicative Strategy in India // International Dimensions of Bilingual Education / Ed. by J. Alatis. Washington (DC), 1978.

Kachru B. The Indianization of English. Oxford, 1983.

Kachru B. The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes. N.Y., 1986.

Kumar A. Certain Aspects of the Form and Functions of Hindi-English Code-switching // Anthropological Linguistics. 1986. N 28.

Language, Policy, Culture and Identity in Asian Contexts / Ed. by A. Tsui, W. Tollefson. Mahwah (NJ), 2007.

Lee-Warner W. The Protected Princes of India. L.; N.Y., 1894.

Malhotra S. Hindi-English, Code-switching and Language Choice in Urban, Upper-middle-class Indian Families // Kansas Working Papers in Linguistics. 1980. N 5.

Mallikarjun B. Bilingualism and Census of India 2001 // Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. 2001. Vol. 1:3. URL: <http://www.languageinindia.com/may2001/bilingual.html>

Mallikarjun B. Language According to Census of India 2001 // Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. 2001. Vol. 1:2. URL: <http://www.languageinindia.com/april2001/indiancensus.html>

Menaria M. Rajasthani Bhasha aur Sahitya. Allahabad, 1960.

Menaria P.L. Rajasthani bhasha ki ruprekha aur manyata ke prashn. Varanasi, 1953.

Pandit P.B. Perspectives on Sociolinguistics in India // Language in Society / Ed. by W.C. McCormac, S.A. Wurm. The Hague, 1979.

Rahman T. The Siraiiki Language Movement in Pakistan // Language Planning and Language Problems. 1995. N 19 (1).

Ram M. Rajasthan District Gazetteer. Alwar-Jaipur, 1968.

Sahgal A. Patterns of language use in a bilingual setting in India // Second Language Acquisition: Socio-cultural and Linguistic Aspects of English in India / Ed. by R. Agnihotri, A. Khanna. New Delhi, 1994.

Shackle C. Pakistan // Language of National Identity in Asia / Ed. by A. Simpson. Oxford, 2007.

Shapiro M.C., Schiffman H.F. Language and Society in South Asia. Delhi, 1981.

Sharma G.N. Social Life in Medieval Rajasthan, 1500—1800 A.D., with Special Reference to the Impact of Mughal Influence. Agra, 1968.

Sharma R. Studies in Medieval Indian History. Solapur, 1956.

Simpson A. Language and National Identity in Asia. Oxford, 2007.

Skutnabb-Kangas T. Linguistic Genocide in Education — or Worldwide Diversity and Human Rights? L., 2000.